

Коммуна

I

Когда мы говорим, что социальная революция должна произойти путем основания свободных коммун, нам возражают, что мы обращаемся к устарелой форме общественной жизни, которая отжила свой век. А между тем, только вполне независимые и освобожденные от опеки государства коммуны способны подготовить среду, необходимую для революции и дать нам возможность ее осуществить. „Но коммуна” говорят нам, — „организация устарелая. Стремясь уничтожить государство и поставить на его место свободные коммуны, вы обращаете ваши взоры к прошлому: вы хотите вернуть нас к средним векам, когда коммуны вели между собой бесконечные войны, и нарушить национальное единство, установившееся после многих веков тяжелой борьбы”.

Разберем эти возражения.

Начнем с того, что будущая коммуна не может быть тем, чем она была в средние века, не может облечься в формы, выработанные 700 лет тому назад. В наш век железных дорог и телеграфов, космополитической науки и исследований научных истин, она неизбежно должна принять новую форму. Имея совершенно иную организацию, поставленная в новые условия, она приведет к новым последствиям.

Наши противники, защитники государства, забывают, что мы можем им сделать то же возражение.

Государство столь же устарелая форма, как и коммуна. Но государство — это отрицание свободы, абсолютизм, произвол, разорение подданных, казни и пытки, между тем как жизнь свободных коммун и восстания народов и коммун против государства составляют самые красивые страницы истории человечества. Обращаясь к прошлому, мы вспоминаем не века Людовика XI, Людовика XV и Екатерины II, а эпохи свободных коммун и республик Флоренции, Тулузы и Лана, времена Аугсбурга и Нюрнберга, Пскова и Новгорода.

Дело не в том, чтоб обмениваться пустыми словами и софизмами: надо изучить современное положение дел и дать себе отчет в том, что может дать будущая коммуна. Тем же, которые говорят: „коммуна — это средние века, мы не должны думать о её возрождении”, мы отметим: „Государство — это бесконечные века гонений и бедствий, и над ним произнесен смертный приговор!”.

Между коммуной средневековой и той, которая установится в скором будущем, есть существенное различие: между ними лежит целая пропасть, вырытая семью веками эволюции человечества. Рассмотрим, в чем это различие.

Какова основная цель „союза”, заключенного между собой жителями городов в XII веке? — Цель эта очень узка и определена. Она состоит в том, чтоб освободиться от гнета феодальных владельцев. Все жители города, купцы и ремесленники, объединяются и дают клятву, „не позволять кому-бы то ни было обращаться с собой, как с рабами, и защищать друг друга от всякого произвола”. Они организуются в коммуны и с оружием в руках восстают против своих прежних господ. „Коммуна”, — говорит один историк двенадцатого века, которого цитирует Огюстен Тиерри, — „слово новое, возмутительное, и вот, что оно означает: оброчные должны платить деньги своим господам только раз в год; за всякий проступок они подвергаются штрафу, установленному законом; что же касается податей, налагаемых на рабов, то от них они совершенно освобождаются”.

Коммуна средних веков восставала против сеньёров, коммуна наших дней восстает против государства. В этом существенное различие: государство, в лице короля, заметив, что коммуны стремятся к полной независимости, посылало свои войска „наказывать” как говорит хроника, „всех смельчаков, которые ради осуществления Коммуны, восставали против короны”.

Коммуна будущего не признает над собой никакой власти; она войдет в добровольное соглашение с другими коммунами и будет считаться исключительно с интересами федерации.

Она знает, что остановиться на пол-пути нельзя: или Коммуна станет вполне независимой, будет основывать какие ей угодно учреждения, производить все необходимые реформы, или же она останется тем, чем была до сих пор, отделением государства, связанным во всех своих проявлениях, готовым каждую минуту вступить в борьбу с государством, не имея никакой надежды на победу.

Коммуна знает, что надо уничтожить государство и заменить его федерацией; в этом смысле она и будет действовать. Для достижения этой цели у неё хватит сил. Теперь уже не только мелкие города, но и Париж, Лион, Марсель, поднимают знамя восстания; в скором будущем к ним примкнут все крупные центры. Это движение не имеет ничего общего с тем, что происходило в средние века.

Освобождаясь от ига феодальных владельцев, освобождалась-ли средневековая коммуна от гнета буржуазии, которая путем торговли увеличила свои капиталы и приобрела в частную собственность крупные владения в самом центре городов? Нисколько!

Разрушив замки своих сеньёров, городские жители смотрели, как вырастали роскошные дворцы богатых купцов и как эти последние стремились поработить их силой своего капитала.

История внутренней жизни коммун средних веков, это — история ожесточенной борьбы бедняка с богачем, борьбы, которая неизменно приводила к вмешательству короля. Видя, что аристократия растет с каждым днем и подчиняет себе все проявления жизни Коммуны, народ, освободившийся от гнета своих прежних господ и подпавший под иго богачей, понял, что ему нечего ждать от Коммуны. Он покинул валы и ограды, воздвигнутые им для

завоевания свободы и ставшие, благодаря индивидуалистическому режиму, путями к новому рабству. Так как народу терять было нечего, он предоставил богачам самим защищать свои владения, и они, конечно, были побеждены; изнеженные роскошью, расслабленные пороками, без поддержки народа, они должны были уступить требованиям герольдов короля и передать им ключи городов. В некоторых же коммунах богачи сами отперли ворота своих городов императорским и королевским армиям, чтоб избежать народной мести, готовой обрушиться на них.

Коммуна XIX века поставит себе целью уничтожить социальное неравенство. Она постарается завладеть всем общественным капиталом и предоставит его тем, которые будут работать над улучшением благосостояния всего общества. Она будет стремиться сломить силу капитала и предупредить возможность возникновения аристократии, которая была причиной гибели коммун средних веков. Возьмет-ли она в союзники священника и монаха? Будет-ли она подражать предкам, которые, создавая Коммуну, учредили государство в государстве и, уничтожив власть короля, создали в коммуне ту же власть, забывая, что стены города не избавят этой власти от присущих ей недостатков? Будут-ли пролетарии нашего века подражать флорентинцам, которые, уничтожая титулы или сохраняя их, как клеймо, не препятствовали возникновению новой аристократии, аристократии туго набитого кошелька? Захотят-ли они, подобно своим предшественникам, воссоздать ту иерархию власти, которую они только что низвергли? Будут-ли они заменять одних людей другими, не касаясь самих учреждений?

Конечно, нет! Коммуна XIX века не повторит старых ошибок. Она будет не только коммуналистической, но и коммунистической. Она произведет полный переворот как в политике, так и в вопросах производства и обмена. Коммуна будущего не будет разрушать государства, чтоб сейчас же восстановить его; она положит конец представительному правительству и не передаст своих прав случайно избранным.

II

Свергнув тяжелое иго своих господ, попыталась-ли Коммуна средних веков нанести им окончательное поражение? помогла-ли она сельскому населению, предоставила-ли ему свое оружие, защитила-ли тех несчастных, на которых гордо смотрела с высоты своих стен? — Далеко нет! Руководимая чисто эгоистическим чувством, средневековая Коммуна заперлась в своих укреплениях. Сколько раз она поднимала мосты и запирала ворота перед рабами, тщетно пришедшими искать у неё спасения; с преступным равнодушием смотрела она, как их истребляли на её глазах. Гордая своей свободой, она не стремилась распространить ее на тех, которые изнемогали под тяжестью рабства. Ценой этого рабства не одна коммуна получила свою независимость. Да и, собственно говоря, богатым буржуа было выгодно, чтоб рабы были вечно прикреплены к земле, не знали ни промышленности, ни торговли и были-бы вынуждены обращаться к городу за железом, металлами и всеми продуктами производства. Ремесленники пытались иногда протянуть руку рабам, но они были бессильны перед буржуа, которые захватили власть, владели оружием и платили наемным войскам.

Теперь дело обстоит совершенно иначе. Парижская Коммуна, будь она победительницей, не ограничилась бы тем, что дала бы себе более или менее свободные городские учреждения. Если бы парижскому пролетариату удалось разорвать свои цепи, настала-бы социальная революция, которая из Парижа распространилась-бы на все сельские коммуны. Парижская Коммуна в момент самой отчаянной борьбы за свое существование не забыла-бы крестьянина и кричала-бы ему: „Бери землю, всю землю!“ Она не ограничилась-бы одними словами и, если-бы это понадобилось, её доблестные сыны с оружием в руках пошли-бы в отдаленные деревни помогать крестьянину совершить свою революцию, изгнать скупщиков, завладеть всей землей и передать ее тем, кто хочет и умеет извлекать из неё урожай. Коммуна средних веков стремилась запереться в своих стенах; Коммуна XIX века стремится расшириться, стать всемирной. Она отказалась от привилегий данной коммуны во имя интересов и солидарности всего человечества.

Коммуна средних веков могла до некоторой степени изолировать себя от соседних. Её сношения с другими коммунами ограничивались заключением договоров для защиты прав городов или для взаимного охранения членов Коммуны во время их дальних путешествий. Лиги, заключенные отдельными городами, как это было в Ломбардии, Испании и Бельгии, были слишком непрочны, вследствие разнородности интересов и различия привилегий; они быстро распадались на отдельные группы, или же гибли под давлением соседних государств.

Группы, которые образуются теперь, не будут иметь с ними ничего общего. Самая маленькая коммуна не просуществует и недели без того, чтоб не быть принужденной войти в сношения с промышленными, торговыми и артистическими центрами; эти центры, в свою очередь, почувствуют необходимость широко открыть свои двери жителям соседних деревень, окружающих коммун и отдаленных городов.

Пусть какой-нибудь крупный центр провозгласит себя „коммуной“, уничтожит у себя частную собственность и введет коммунизм, т. е. коллективное пользование общественным капиталом, орудиями и продуктами труда, и если этот город не будет окружен неприятельскими войсками, то по истечении нескольких дней бесконечные ряды подвод устремятся на его рынки, и поставщики из отдаленных портов будут присылать целые партии сырого материала; продукты же производства этого города, удовлетворив потребностям его жителей, пойдут искать себе покупателей во все концы света. Иностранцы целыми толпами устремятся в этот город, будут восторгаться его порядками и рассказывать у себя дома о чудной жизни свободного города, где все работают, где нет ни бедных, ни угнетенных, где каждый пользуется плодами своего труда и никто не стремится захватить львиной доли. Отчужденности бояться нечего: если коммунисты Соединенных Штатов и жалуются, то никак не на отчужденность, а на вмешательство соседней буржуазии в их дела.

В наше время торговля и обмен не только перешагнули через искусственные границы, но и разрушили стены средневековых городов. Они установили ту связь, о которой нельзя было и думать в средние века. Все населенные пункты Западной Европы так тесно связаны между собой, что отчужденность стала невозможной. Не найдется ни одной деревни, будь она расположена даже на вершине недоступной горы, которая не имела-бы своего

промышленного и торгового центра, порвать с которым она уже не может.

Развитие крупных промышленных центров имело еще большее значение.

И в наше время личные интересы могут помешать объединению двух соседних коммун, возбудить между ними раздоры и вызвать ожесточенную борьбу. Но если эти причины и будут препятствовать союзу двух коммун, то он все же будет заключен, благодаря вмешательству крупных центров. Часто встречаются два мелких соседних городка, которые ничем между собой не связаны: их редкие сношения приводят чаще к столкновениям, чем объединению. Но оба они поддерживают непрерывные сношения с одним и тем же центром, без которого они не могут существовать; как-бы сильна ни была вражда между ними, их принуждает объединиться тот большой город, в который они возят свои продукты и откуда получают запасы. Каждый из них должен будет примкнуть к одной и той же федерации, чтоб поддерживать сношения с этим центром и группироваться вокруг него.

Но этот центр не будет иметь значительного преобладания над окружающими коммунами. Благодаря бесконечному разнообразию нужд торговли и промышленности, все населенные места имеют по несколько центров; по мере развития потребностей городов, они будут примыкать еще к новым центрам, которые будут удовлетворять их новым нуждам. Наши потребности так разнообразны и нарождаются с такой быстротой, что скоро одна федерация не будет в состоянии их удовлетворить. Коммуна почувствует необходимость заключать новые союзы, основывать новые федерации. Состоя членом одной группы, заведующей доставкой пищевых продуктов, коммуна должна будет стать членом второй группы для приобретения необходимых предметов, например, металлов, потом третьей, четвертой для приобретения материй и произведений искусства и т. д. Возьмите экономический атлас какой угодно страны, и вы увидите, что экономических границ не существует: зоны производства и обмена различных продуктов врезаются друг в друга, переплетаются и скрещиваются. Точно также федерации коммун, если бы они следовали своему естественному развитию, стали-бы врезаться друг в друга, переплетаться и образовали-бы сеть „единую и неделимую“, несравненно более компактную, чем современные государства.

Те, которые говорят, что коммуны, освободившись от опеки государства, будут постоянно сталкиваться, вести междоусобные войны и уничтожать друг друга, забывают, что теперь уже между отдельными местностями установилась тесная связь, благодаря тяготению к центрам промышленности и торговли, непрерывным сношениям между ними и многочисленности этих центров. Они не дают себе отчета в том, что представляли из себя средние века с их замкнутыми городами и караванами, медленно двигающимися по дорогам, охраняемым господами-разбойниками. Они забывают, что непрерывные потоки людей, товаров, писем, телеграмм и идей циркулируют теперь между нашими городами, подобно водам неизсякаемых рек; у них нет ясного представления о различии тех двух эпох, которые они пытаются сравнивать.

Да и история говорит нам, что федерации стали самой насущной потребностью человечества. Как только государство будет дезорганизовано по той или другой причине и правительственная машина потеряет свою силу, свободные союзы возникнут сами собой.

Вспомните добровольные федерации, вооруженной буржуазии во времена великой революции. Вспомните федерации, возникшие в Испании и отстаившие независимость страны, когда государство было потрясено в своих основах победоносными армиями Наполеона. Как только государство теряет возможность насильственно поддерживать вынужденные союзы, — свободные союзы, соответствующие естественным потребностям, возникают сами собой. Разрушите государство, и на его развалинах вырастет федеративное общество; это будет общество действительно единое и неделимое, вполне свободное и истинно солидарное в силу своей свободы.

Но есть еще одно существенное различие, которое упускают из вида наши противники. Для буржуа средних веков Коммуна была изолированным государством с точно определенными границами. Для нас Коммуна уже не территориальная аггломерация; это скорее родовое понятие, синоним группировки „равных“, не признающей ни границ, ни стен. Социальная Коммуна в скором будущем перестанет представлять собою нечто целое и вполне определенное. Каждая группа Коммуны будет в силу необходимости вступать в сношения с тождественными ей группами других коммун, заключать с ними союзы не менее прочные, во всяком случае, чем союзы сограждан и образует Коммуну, основанную на общности интересов и имеющую членов во всех городах и деревнях.

Каждый индивидуум найдет удовлетворение своим потребностям только тогда, когда он будет группироваться с индивидуумами других коммун, имеющими те же потребности.

Уже теперь с каждым днем нарождаются новые свободные общества, которые покрывают постепенно необъятное поле всей человеческой деятельности. Не только для удовлетворения своих научных, литературных или артистических потребностей человек создает общества. Не только для классовой борьбы заключаются теперь лиги.

Трудно найти хоть одну из многочисленных и разнообразных отраслей человеческой деятельности, которая не имела бы своим представителем свободного общества, организованного на добровольном соглашении; их число растет с каждым днем, завоеывая все более и более обширное поле деятельности вплоть до тех отраслей, которые раньше состояли исключительно в ведении самого государства. Литература, искусство, наука, образование, торговля, промышленность, производство, развлечения, гигиена, музеи, дальние предприятия, полярные экспедиции, даже защита территории, помощь раненым и суды... все служит источником для проявления частной инициативы, облеченной в формы свободного сообщества. Такова тенденция, такова отличительная черта второй половины XIX века.

Эта тенденция, свободная в своем развитии, найдет новое обширное поле для применения и послужит основой для общества будущего. Социальная Коммуна организуется путем свободной группировки, которая разрушит стены и уничтожит границы. Возникнут миллионы коммун, но не территориальных, а готовых протянуть друг другу руки через реки, горные хребты, океаны и объединить в одну единую и однородную семью „равных“ всех индивидуумов, рассеянных по различным концам земного шара.